

Записки Богу и святым в русской и еврейской традиции.

В последние десятилетия по всему миру распространилась практика написания записок Богу и святым. Темой нашей статьи станет описание, анализ и сопоставление бытования этой практики в двух этнических и религиозных традициях – еврейской и русской.

Практика написания записок возникла в еврейской традиции довольно рано. Первые упоминания о бытовании этой традиции в земле Израиля мы обнаруживаем в XVI в., когда евреям было позволено оставлять записки с просьбами к Богу в отверстии стены пещеры Махпела, где, по преданию, похоронены патриархи и их жены (ЭЕЭ, Махпела). Начало традиции вкладывать записки в Стену Плача популярные источники датируют XVIII в.¹ Основой этой датировки является легенда о марокканском каббалисте Хаиме бен Атаре и его ученике Хильде. Согласно распространенному варианту легенды, один из учеников Хаима бен Атара отправился в землю Израиля. При расставании его учитель дал ему записку, которую посоветовал вложить в Западную Стену. Приехав в Израиль, ученик забыл об этом. Долгое время на него никто не обращал внимания; однажды он вспомнил о совете своего учителя и вложил в записку в Стену Плача. Сразу после этого его ученость была замечена иерусалимскими евреями, и вскоре он стал одним из признанных авторитетов. Содержание записки гласило: «Господи, даруй моему ученику Азулаю успех в Израиле».

Следует отметить, что эта легенда вряд ли может пролить свет на время возникновения традиции вкладывать записки в Стену Плача. Впервые она появляется в сочинении львовского раввина Исаака Сперлинга, изданном в 1890 г. По всей видимости, ее стоит отнести к области иерусалимского фольклора, посвященного чудесам, связанным со Стеной Плача. Сам рассказ мог быть принесен в Галицию кем-то из еврейских паломников, побывавших в Иерусалиме, и затем попасть в книгу рабби Сперлинга. Очевидно, что подобная легенда могла быть рассказана о любом известном и почитаемом мудреце прошлого. Таким образом, вопрос о времени возникновения этой традиции остается открытым. Вполне логично предположить, что если обычай оставлять записки в пещере Махпела существовал уже в XVI в., то традиция оставлять записки в Западной Стене тоже могла возникнуть не позже этого времени.

Известно, что Стена Плача стала главным местом молитв иерусалимских евреев уже в V в. (ЭЕЭ, Западная Стена). Сама практика особого почитания этого места основывается на том, что, согласно Мидраш Раба, Шхина никогда не оставит Западную Стену: «Сказал рабби Аха: “Шхина” никогда не покидала Западной стены Храма, как сказано (Песнь Песней 2: 9): Вот Он стоит за нашей стеной». (Шмот раба 2: 2). По-видимому, побуждением оставлять записки в Западной Стене стала общепринятая в еврейских общинах практика молитвенных обращений к Богу в святых местах. Когда некий еврей отправлялся в паломничество в землю Израиля, ему передавали множество записок с обращениями к Всевышнему. Поскольку прочитать их не всегда удавалось, то их часто оставляли между камнями Стены. Более ранней формой почитания Стены были обычаи вбивать гвозди в Стену и выбивать на ней имена больных, зафиксированные Веньямином Тудельским уже в XII в. В XX столетии эта традиция приобрела всемирную известность: ежегодно у Стены Плача оставляют около миллиона записок. Тем не менее следует отметить, что этот обычай более популярен у светских израильтян и туристов, нежели у религиозных евреев.

Большой интерес для нас представляет традиция написания записок, бытующая в современной хасидской среде. В странах СНГ, Польше, Израиле и США существует общепринятая среди хасидов традиция оставлять записки на могилах известных раввинов.

Так, записки оставляют на могилах Нахмана из Брацлава в Умани, Дов Бера в Нежине, Алтер Ребе (Шнеур Залмана) в Гадяче, Садигорского цадика, Баал Шем Това в Меджибоже; в Польше записки оставляют на могилах Якова Ицхака из Люблина, на могиле Моше Иссерлеса (известного польского раввина XVI в.) в Кракове; в Израиле – на могилах царя Давида и Гурского ребе в Иерусалиме, на могиле Шимон Бар Йохая в Цфате. В США наиболее почитаемым в хасидской среде местом является, конечно, могила последнего Любавичского ребе в Нью-Йорке. Эта традиция имеет хасидское происхождение. В хасидизме было разработано учение о цадики как о посреднике между Богом и людьми, ходатае перед Богом. Хасидизм оценивает роль цадика чрезвычайно высоко. Так, в сочинении ребе Леви Ицхака из Бердичева «Кдушат Леви» («Святость Леви») говорится: «Мы находим в Талмуде указание на то, что “Всевышний называл праотца Якова словом Эль (Бог)” (Мегила 187а). Имеется в виду, что, поскольку Яков выполнял все заветы Торы, он был в определенном аспекте подобен Б-гу, – и все праведники, выполняя заповеди Торы, также уподобляются Б-гу»². Согласно другому известному хасидскому высказыванию, «Цадик – основа мира». В книге последнего Любавичского ребе «Ликутей Сихот» («Сборник бесед») говорится: «Говоря простыми словами: каждый еврей, со всеми его достоинствами должен быть связан с Ребе. Ведь именно посредством Ребе этот еврей связывается со Всевышним. Как сказано в Открытой части Торы (“Мехилта” на слова “и поверили в Б-га и Моше его раба”): каждый кто верит в Моше, как будто верит в Б-га. И более того – все детали жизни (“иньяним”) еврея, как в материальной, так и в духовной сфере зависят от Ребе»³. По словам знаменитого исследователя еврейского мистицизма Г. Шолема, в хасидизме цадик предстает как «живое воплощение Торы» (Шодем 2007: 422).

Из подобного взгляда родилась традиция написания записок известным раввинам. Она фиксируется уже в конце XVIII в.: так, рассказывается, что уже Леви-Ицхак из Бердичева в канун Йом Кипура принимал записки от евреев с просьбами помолиться о них. Подобные записки в еврейской традиции называются «квитлах». Необходимость использования записок диктовалась как многочисленностью учеников знаменитых цадики, так и удаленностью мест их проживания. Обычно хасид передает цадику некоторую сумму денег, называемую «пидьон». Записка пишется ребе, даже если хасид лично посещает его. После прочтения записки раввин благословляет хасида. Такая же практика широко распространена и сегодня. В наше время она адаптирована и сефардскими евреями – именно таким образом принимал записки («пидьон нефеш») израильский чудотворец Элиезер Абухацира (Баба Элиезер).

В определенный момент традиция написания записок начинает переноситься с ныне живущих раввинов на умерших. Если живой ребе слышит просьбы своих последователей, то почему это не может сделать ребе, уже почивший? Сам Менахем-Мендл Шнеерсон считал такую практику вполне возможной. В частности, он писал одному из почитателей его тестя, ребе Йосефа: «Вы опечалены тем, что сейчас уже нельзя посоветоваться с Ребе, когда возникают сомнения о том, как следует поступать. Но если Вы сохраняете сильную связь с ним, пошлите Ваш вопрос в Охель Ребе и Ребе найдет способ ответить»⁴. В хабдской традиции написание записки праведнику прошлого также получило название «пидьон нефеш». Первые обнаруженные нами упоминания о написании «пидьонейс» к умершим относятся к концу XIX столетия. В воспоминаниях шестого Любавичского ребе, Йосефа-Ицхака, рассказывается, как отец привел его в Охель, где были похоронены его дед и прадед, и объяснил, как читать «пидьонейс» (см.: Воспоминания).

Следует отметить некоторое различие между хабдской и общехасидской практикой. Представление о том, что праведник прошлого выступает как ходатай, в большей степени характерно для любавичских и брацлавских хасидов; в остальных хасидских течениях считается, что душа праведника помогает молитве вознестись к Богу, так как святость могил цадики в определенной мере равна святости земли Израиля.

Наиболее своеобразные формы традиции написания записок почившим праведникам приобрела в современном Хабаде. Вера многих любавчских хасидов в мессианскую роль последнего Любавичского ребе, Менахема-Мендла Шнеерсона, сделала эту практику особенно актуальной. Помимо записок на могиле ребе, существует целый ряд ритуалов. Самый популярный из них заключается в написании записок ребе и их вкладывании в собрание его писем «Игрот Кодеш» («Святые послания»). Считается, что наугад вложив записку в сборник писем, можно найти ответ на свой вопрос на странице, на которую попала записка. То, что ответы на вопросы ищутся в сборнике написанных Шнеерсоном ответов на письма его почитателей, представляется совершенно логичным и не требующим специального объяснения. Сама практика сильно напоминает широко распространенное во всем мире гадание по книгам (в первую очередь, священным). В еврейской традиции подобная форма получения совета именуется «гораль ГРО» («жребий Гаона рабби Элиягу», т.е. Виленского Гаона): желающий воспользоваться ею наугад открывает Тору и читает первые попавшиеся строки. Интересно, что к этому «гаданию» иногда прибегали даже известные раввины. В наше время ответ на свой вопрос можно получить и в интернете: существует сайт, на котором можно написать письмо Любавичскому ребе. Программа, основанная на генераторе случайных чисел, выберет отрывок из «Игрот Кодеш», который и послужит ответом на заданный вопрос. Надо сказать, что традиционно для подобного гадания использовалась исключительно Тора, и ее замена письмами Любавичского ребе часто вызывает критику со стороны многих ортодоксальных раввинов. Так, авторитетный среди русскоязычных израильтян раввин сионистского направления Элиягу Эсас рекомендует своим читателям «не поддерживать, а при удобном случае – высмеивать поверье, миф о “чудом появляющемся ответе” – на любую тему, которые как будто бы сегодня можно найти в письмах Ребе с помощью вложенного листочка»⁵.

Критику этого обычая мы также встречаем в довольно давнее время. Так, даже четвертый Любавичский ребе говорил своим хасидам, что необязательно вручать «пидьнойс» праведнику – помолиться за просителя может каждый еврей. Еще более жесткой критике эта практика подвергалась в среде литваков, которые часто рассматривают подобные практики как запрещенное Торой обращение к мертвым.

Проанализировать содержание хасидских записок, обращенных к почитаемым праведникам, равно как и записок, оставляемых в Стене Плача, представляется достаточно сложным. В еврейской традиции подобные тексты считаются сугубо личным обращением человека к Богу, поэтому их публикация или публичный анализ рассматривается как заведомо предосудительные действия. То же самое относится и к запискам, созданным в сети, – они не выкладываются на общедоступных форумах. По определенным косвенным данным⁶ можно сказать, что подобные записки часто содержат списки имен людей, которым требуется ходатайство покойного праведника, просьбы об успехах в изучении Торы, в израильских записках довольно часто встречаются актуальные политические темы.

Форма записки, оставляемой на могиле цадика, также может варьироваться. Это может быть как обращение к Богу, так и обращение к цадику (как видно, хасидская традиция допускает оба варианта), обращение к цадику с просьбой о ходатайстве перед Богом (наиболее богословски корректная форма квитлах). Большой интерес в данном случае представляет типовая форма письма Любавичскому ребе, выложенная на многих хабадских сайтах⁷. Записка содержит формулировку: «Любавичскому ребе. Прошу пробудить милосердие Всевышнего для меня (имя и имя матери, например Ицхака бен Сары) и членов моей семьи (родных, друзей, знакомых)». Далее следует список этих людей. Конкретные обращения к ребе предваряются формулировкой: «Мы просим благословения Ребе для исполнения наших просьб Творцом»⁸. Автор записки должен при этом взять на себя обязательство исполнять какие-либо заповеди Торы (в этом пункте чувствуется характерное для Хабада стремление к возвращению евреев к соблюдению

норм иудаизма).

Как видно, в иудейской традиции существуют две основных формы написания записок. Первая из них – написание записок для Стены Плача – связано со святостью Храма, Иерусалима и земли Израиля. Эта традиция возникла в Новое время и сейчас широко распространена не только среди евреев, но и среди людей других национальностей и вероисповеданий, посещающих Иерусалим. По-видимому, эта традиция тяготеет к разряду светских традиций, так как к ней чаще прибегают светские люди, чем религиозные евреи и, тем более, христиане и мусульмане. Вторая форма традиции написания записок имеет хасидские корни и произошла из особого почитания цадииков в хасидской традиции. Она характерна, в первую очередь, для религиозной еврейской среды, хотя в нее втягиваются и светские евреи, и даже проживающие вблизи могил цадииков неевреи.

Далее мы обратимся к традиции написания записок в другой этнической и религиозной традиции – русском православии. Традиция написания записок в русской православной среде имеет не столь давнюю историю, однако сейчас она, пожалуй, получила еще большее распространение, чем в еврейской среде. Первые упоминания о ней связаны с Санкт-Петербургом. Наиболее ранние сообщения о бытовании этой традиции относятся к часовне на могиле блаженного Матвея Татомира (1848–1904), знаменитого петербургского подвижника, на Никольском кладбище в Санкт-Петербурге. Так, исследователи отмечают, что «уже к 1917 г. на надгробие блаженного клали записки с разнообразными просьбами: об исцелении от различных недугов, удачной сдаче экзаменов, получении места службы» (Почитание 2006). В дальнейшем эта традиция была перенесена на часовню Блаженной Ксении на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга. Первые упоминания о написании записок бл. Ксении относятся к 1930-м гг. (см.: Филичева). Интересно, что эта традиция возникла еще до закрытия часовни в сентябре 1940 г.

Мы не располагаем информацией о бытовании этой традиции в других регионах России, относящейся к столь раннему периоду. По всей видимости, в первой половине прошлого века данная традиция была характерна преимущественно для Санкт-Петербурга. Это позволяет с большой вероятностью предположить ее заимствование из европейских стран. Другим возможным объяснением ее петербургской локализации может быть существование сходных с написанием записок практик почитания святынь в севернорусской народной традиции. Так, Т.Б. Щепанская отмечает характерную для Северо-Запада России традицию оставлять около почитаемого места кусок тряпочки и полотенца с аппликацией креста или вышитой на нем молитвой к святому (Щепанская 1995: 117). Г.П. Дурасов писал о существовании такого же обычая в Каргопольском р-не Архангельской обл.: кусок ткани с вышитым на нем изображением или просьбой к святому оставляют в часовнях у икон (Дурасов 1977: 110–111). Как известно, Петербург традиционно был центром притяжения для крестьянства севернорусских областей, так что нельзя исключать влияния народной традиции на сложение данной практики. Тем не менее европейская версия происхождения традиции написания записок кажется нам все-таки более предпочтительной. Важную роль в распространении этого обычая мог сыграть и высокий уровень грамотности в столице Российской империи, в том числе среди простого народа.

В 1990-е гг. традиция написания записок святым распространяется по всей России. Одним из наиболее ярких примеров развития подобной практики стало почитание Матроны Московской. До 1993 г. первоначальная могила Матроны на Даниловском кладбище в Москве если и почиталась, то очень узким кругом лиц. Выход книги З.В. Ждановой «Сказание о житии блаженной старицы Матроны» изменил ситуацию. Тираж первого издания превысил 150 тыс. экземпляров, затем последовали многочисленные переиздания. Житие, составленное З.В. Ждановой, изобиловало фольклорными рассказами, повествованиями о чудесах, народными суевериями и т.д. В результате

произведение Ждановой не стало каноническим житием бл. Матроны, но осталось самым популярным произведением о святой, создающим вокруг нее атмосферу ожидания чудес, привлекательную для многих читательниц книги. Спустя несколько лет культ новой святой распространился настолько, что в 1998 г. (еще до официальной канонизации) ее мощи были перенесены в собор Покровского женского монастыря. Нам кажется, что почитание Матроны Московской во многом имело образцом почитание Ксении Петербургской.

Сейчас практика написания записок святым распространена по всему СНГ. Перечислим хотя бы часть наиболее известных мест, где принято оставлять записки. Это часовня Ксении Петербургской, мощи Матроны Московской в Покровском монастыре в Москве, мощи Серафима Вырицкого (там стоит специальный ящик для записок) в городе Вырица, могила солдата Евгения Родионова в деревне Сатино-Русское (Московская область), могила оптинских новомучеников (Ферапонт, Трофим, Василий), убитых психически больным в 1993 г., могила Валентина Амфитеатрова на Ваганьковском кладбище в Москве, могила схимонахини Ольги Ложкиной на Калитниковском кладбище в Москве, могила старицы Алимпии Голосеевской под Киевом (ее почитание в Киеве сравнимо с почитанием Ксении в Петербурге и Матроны в Москве), могила игумении Параскевы Топловской в Топловском монастыре на юго-востоке Крыма.

Что характерно для выбора святынь? В первую очередь, это народный, неофициальный характер почитания святого. В огромном количестве случаев мы имеем дело либо с непрославленными святыми (Валентин Амфитеатров, Евгений Родионов, Ольга Ложкина, Алимпия Голосеевская, оптинские новомученики), либо прославленных достаточно недавно, когда народное почитание уже сложилось. Так, Ксения Петербургская была канонизирована в 1988 г., Матрона Московская – в 1999 г., Параскева Топловская – в 2010 г. Таким образом, мы имеем дело с практикой, характерной для народного почитания. В таких случаях у людей нет возможности обратиться к почитаемому ими человеку с молитвой, почитать ему акафист или заказать молебен. Практика почитания покойного праведника сводится к служению панихид и написанию записок – письменных обращений к святому. Именно благодаря этому почитание приобретает более личный характер. Люди имеют возможность почитать святого «по велению сердца», потому что этот человек им лично симпатичен, они лично считают его святым, они могут обратиться к нему не в форме канонических славянских молитв и акафистов, а с личной молитвой. Невозможно не увидеть определенные параллели между этой практикой и хасидизмом. Почитание цадика также является для иудея вопросом личного выбора, оно также имеет народный характер, также связано с почитанием могил и обращением с личными, изложенными в записках просьбами. Немаловажно и то, что обычно речь идет о людях относительно недавнего времени – как правило, большинство почитаемых святых жили в XX столетии. Здесь также очевидны и параллели с раннехристианской практикой могил мучеников, из которой, собственно говоря, и выросло почитание святых.

Некоторые исследователи отмечают, что просители часто видят в таких святых «подателей благ» – безотносительно к их житию. Крайние случаи подобной практики представляют собой «фантомные культы» вроде почитания «святой Софьи» Новодевичьего монастыря, когда существует традиция, но нет реальной личности, ставшей предметом почитания (Громов, Ипполитова 2011). Тем не менее, думается, что такое суеверное почитание святых является примером вырождения практики в результате ее перехода в народную малорелигиозную среду. Первоначальное почитание большинства упомянутых святых первоначально складывалось в среде их учеников и духовных чад, распространялось в издаваемой ими литературе и лишь на последней стадии переходило в народную среду. Таким образом, можно говорить о трех типах мотивации: человек обращается святому, так как при жизни входил в круг его учеников, духовных чад, посетителей / потому что читал о его жизни, знает его сочинения или высказывания / потому что это просто может помочь.

Какие святые становятся объектом почитания? В большинстве случаев это старцы или старицы – люди, к которым уже при жизни обращались за духовными советами. Это Матвей Татомир, Серафим Вырицкий, Валентин Амфитеатров, бл. Матрона, Ольга Ложкина, Параскева Топловская. Здесь мы опять-таки видим прямую аналогию с еврейским почитанием цадиков. Своеобразной чертой является большое количество женщин в этом списке – притом, что старчество является традиционно мужской, а не женской практикой. Возможно, это связано с тем, что авторы большинства записок в современной русской традиции – женщины, и им близки старицы, к которым они могут обратиться со своими женскими проблемами.

Другой характеристикой почитаемых святых являются их страдания, гонимость, юродство. Это или мученики в буквальном смысле (Евгений Родионов, оптинские новомученики), или люди, страдавшие от тяжелых болезней, юродивые, невинно гонимые (Ксения Петербургская, Матрона Московская, Алимпия Голосеевская, Ольга Ложкина, Славик Крашенинников). Тут параллели с еврейской традицией не так очевидны, но нельзя не отметить, что идея неприкаянности, невинных страданий часто звучит и в биографиях хасидских цадиков (Нахмана из Брацлава, Зуси из Аннаполя). Более четкая параллель здесь выстраивается с классическим христианским почитанием мучеников и юродивых.

Немаловажным мотивом является завещание праведника, который обещает быть заступником и в том мире. Так, в житии Матроны, написанном З.В. Ждановой, приводятся следующие слова блаженной: «После моей смерти таких, как я, не будет, а вы приходите на могилку, я там всегда буду, я вам так же буду помогать и молиться за вас, как при жизни моей. Разговаривайте со мной, все горести свои поверяйте мне, я буду вас видеть и слышать; что душе вашей скажу, то и делайте» (Жданова 1996: 34). Похожий мотив мы встречаем и в хасидских рассказах: так, согласно преданию, рабби Нахман из Брацлава перед кончиной говорил, что того, кто придет на его могилу, прочтет там десять псалмов (Тикун-а-Клал) и пожертвует монету на милостыню, он вытащит за пейсы из глубины ада, если тот туда попадет (Сихот а-Ран, 141).

Кроме традиции написания записок в широко известных местах паломничества, существуют примеры написания записок святым в местах, почитание которых носит локальный характер, зачастую ограничиваясь рамками одного прихода. Автор может привести пример московского Донского монастыря. Фактически, там есть три места, где прихожане обычно оставляют записки: это икона Матроны Московской (записки засовывают за икону), рака с мощами патриарха Тихона, наиболее почитаемого святого в Донском монастыре (записки оставляют под ракой) и мозаичная икона Николая Мирликийского на Донском кладбище. С этой иконой связана следующая легенда: во время революции большевистский солдат выстрелил в нее из ружья и был ранен срикошетившей пулей. Из-за этого случая икона стала считаться чудотворной и около нее регулярно оставляют записки, обращенные к св. Николаю. Как видно, представление об иконе, как о чудотворной, провоцирует обращение к изображенному на ней святителю. Надо полагать, что такие «местночтимые святыни» можно найти в каждой церкви и каждом монастыре. Похоже, что люди уже нуждаются в этой практике и считают ее важным элементом почитания святых. Интересно, что около главной святыни Донского монастыря – списка Донской иконы – записки обычно не оставляют. По всей видимости, Донская икона воспринимается как слишком «серьезная» святыня.

Обратимся к содержанию записок. В первую очередь, следует оговорить, что мы будем пользоваться текстами записок к святым, опубликованными пользователями сети интернет на предназначенных для этого сайтах. Выбор подобного материала для анализа позволит нам избежать этических проблем, связанных с чтением и публикацией чужих молитвенных обращений, – ведь размещение записок в интернете уже подразумевает согласие авторов с доступом к их текстам других пользователей сети.

Как правило, просьбы, излагаемые в подобных записках, стереотипны – это просьбы об устройстве работы, личной жизни, решении семейных проблем и т.д. Приведем любопытную статистику, полученную из гостевой книги сайта, посвященного Матроне Московской (<http://matrona.kiev.ua>). Мы рассмотрели 190 записок к Матроне Московской, созданных посетителями сайта с января по октябрь 2011 г.⁹ На первое место по популярности среди обращений к Матроне явно выходит тема семьи. Это либо поиск второй половины (10 текстов), либо любовные отношения (19 текстов), либо супружеские отношения (19 текстов). Сюда же можно добавить значительно число текстов с просьбой забеременеть или хорошо выносить ребенка – 23 записки. Таким образом, темы любовных и семейных отношений в том или ином ракурсе затрагиваются в 71 записке – более чем в трети рассмотренных текстов. Далее следует тема здоровья (32 записки) и темы работы (22 записки) и учебы (13 записок). Таким образом, мы видим доминирование трех тем – любовные/семейные отношения, работа/учеба и здоровье. Особняком стоят более специфические группы текстов – просьбы об исцелении близких или даже себя от пьянства – 6 текстов, благополучного разрешения дел в суде – 7 текстов, решения жилищных проблем – 6 текстов. Следует отметить, что в данных подсчетах мы учитывали только «тематические записки», посвященные одной или даже нескольким серьезным проблемам, беспокоящим автора. Во многих записках выделить такое тематическое ядро не представляется возможным: в них перечисляется множество просьб за себя, свою семью, родственников и друзей, относящихся к разным житейским нуждам и проблемам.

Авторами 92% записок являются женщины. Это связано как с тем, что женщины в принципе чаще склонны разделять околосцерковные суеверия (к которым большинство священников причисляет написание записок святым), так и с тем, что св. Матрона – женщина и ее почитательницам кажется вполне логичным обращаться со своими женскими проблемами именно к ней. Как видно, темы записок оказываются вполне ожидаемыми. Следует отметить, что люди очень часто просят не за себя, а за своих родных и друзей.

Скажем несколько слов о стилистике записок. В подавляющем большинстве текстов преобладает уменьшительно-ласкательное обращение к святой – «Матронушка», довольно часто оно дополняется различными эпитетами – «святая Матронушка», «милая Матронушка», «дорогая Матронушка». Преобладание уменьшительной формы, вероятно, связано с влиянием народной традиции, для которой характерно употребление уменьшительно-ласкательных имен по отношению к блаженным и юродивым. Записки часто заканчиваются формулами, характерными для молитв: «Аминь», «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Таким образом, мы видим сочетание неформального, интимно-личного обращения к святой и восприятия записки как обращенной к ней молитвы.

Большой интерес представляет собой отношение православного духовенства к этой традиции. Так, О.Н. Филичева в своей работе о почитании Ксении Петербургской отмечает негативное отношение большинства священников к этой традиции (см.: Филичева). Такое же отрицательное отношение к написанию записок святым существует и в московском Донском монастыре. Тем не менее, некоторые священники придерживаются не столь ригористичных взглядов. Так, протоиерей Вл. Сергеев в своей работе о народном почитании православных святынь отмечает: «Священно- и церковно- служителям необходимо быть более терпеливым и не бросаться пустыми обвинениями, поскольку эти народные проявления благоговения перед святынями невозможно признать предрассудками, а тем более язычеством. Писание записок уже нельзя остановить. Наш анализ позволяет предположить, что это возникло от отсутствия духовничества. А потому, рядовому человеку часто некому высказать свое сокровенное и наболевшее» (см.: Сергеев).

Подведем итоги. Как видно, практики написания записок святым в русской и еврейской традиции имеют много общего. В обеих традициях мы находим почитание

могил праведников, продиктованное народной верой и первоначально не связанное с официальными религиозными инстанциями, веру в чудесное заступничество святого перед Богом, личный характер подобного обращения. Наиболее серьезным отличием является мужской характер этой практики в хасидизме и женский – в русском православии. Из этого обстоятельства проистекают отличия в тематике и стилистике записок. В хасидских записках часто встречается актуальная для религиозных евреев тема изучения Горы, в израильских записках мы видим большое количество политической тематики. Для русских записок напротив характерны преимущественно женские темы, связанные с семейными и любовными отношениями. Стилистика хасидских записок, по всей видимости, носит более четкий и формализованный характер, в отличие от достаточно непосредственного и глубоко личного стиля обращений в записках к Ксении Петербургской и Матроне Московской.

Литература

- Воспоминания – Воспоминания реббе Раяца.
<http://www.lechaim.ru/ARHIV/99/rebe.htm>
- Громов, Ипполитова 2011 – *Громов Д.В., Ипполитова А.Б.* Карта человеческих желаний, или записки у стен московского монастыря // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 76–87.
- Дурасов 1977 – *Дурасов Г.П.* Каргопольское «заветное» шитье // Советская этнография. 1977. № 1. С. 110–113.
- Жданова 1996 – *Жданова З.В.* Жизнеописания блаженной старицы Матроны. М., 1996.
- Почитание 2006 – Почитание захоронений блаженного Матвея Татомира, молчальника схимонаха Патернуфия и иеросхимонаха Алексея в Александро-Невской Лавре накануне ее разгрома // Путь исихастов. Февраль 2006. № 42 (205) (<http://www.russian-inok.org/page.php?page=way1&dir=way&month=0206>).
- Сергеев 2007 – *прот. Владимир Сергеев.* Особенности народного поклонения православным святыням. М., 2007 (<http://www.agioc.orthodoxy.ru/date/6k.pdf>).
- Филичева – *Филичева О.Н.* Записки для Ксении Блаженной. Позиция церковнослужителей и народный обычай (<http://www.ruthenia.ru/folklore/filicheva2.htm>).
- Шолем 2007 – *Шолем Г.* Основные течения в еврейской мистике. М.; Иерусалим, 2007
- Щепанская 1995 – *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиция духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–177.
- ЭВЭ – Электронная еврейская энциклопедия (<http://www.eleven.co.il/>).

Примечания

¹ http://en.wikipedia.org/wiki/Placing_notes_in_the_Western_Wall

² http://toldot.ru/tora/rabbanim/rabbanim_3254.html

³ http://www.moshiach.ru/FAQ/geula/1856_3_8.html

⁴ <http://www.lchaimweekly.org/cgi-bin/calendar?holiday=pesach222>

⁵ <http://www.evrey.com/sitep/askrabbi1/q.php?q=otvet/q624.htm>

⁶ Рассказам самих носителей традиции, текстам записок, «подсмотренных» российскими и израильскими исследователями.

⁷ Подобные письма распечатываются и централизованно доставляются в Охель Любавичского ребе в Нью-Йорке. Сложно сомневаться в том, что опубликованная в интернете форма письма восходит к рукописным запискам к Любавичскому ребе.

⁸ <http://www.jewishmariupol.com.ua/news.php?newsid=631>

⁹ При анализе записок мы исключали из анализа очевидные записки-дубликаты, написанные одним человеком на одну и ту же тему.

Записки Богу и святым в русской и еврейской традициях // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции. М. 2012. С. 165-178.